

Китай

не для всех.

Как перестать бороться
и стать собой на Востоке

Татьяна Ямщикова

Татьяна Ямщикова

**Китай не для всех. Как перестать
бороться и стать собой на Востоке**

«Автор»

2025

Ямщикова Т.

Китай не для всех. Как перестать бороться и стать собой на Востоке
/ Т. Ямщикова — «Автор», 2025

Есть момент, когда тело говорит «стоп» раньше, чем ты успеваешь принять решение. У меня это случилось в Дубае. Капельница, палата, и впервые за много лет — тишина. «Китай не для всех» — автофикшн о нескольких годах между Москвой, Шанхаем, Нанкином, Гонконгом и Дубаем. О digital-бизнесе, переговорах, языке и системе ##, которую невозможно выучить по статье. О яхте, шторме и любви, которая не приехала. О деньгах, красивых переговорных и цене, которую тело однажды отказывается платить. Это книга о женской силе без лозунгов, о Востоке без экзотики, о жизни, которую пришлось собирать заново — и о том, что «не для всех» — это не приговор, а право быть собой.

© Ямщикова Т., 2025

© Автор, 2025

Татьяна Ямщикова

Китай не для всех. Как перестать бороться и стать собой на Востоке

КИТАЙ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Как перестать бороться и стать собой на Востоке

Татьяна Ямщикова

Автофикшн

Примечание автора

Эта книга написана в жанре автофикшна: в ней соединены личная память, художественная реконструкция, деловые наблюдения, внутренние монологи и культурные размышления.

Некоторые имена, детали, последовательность встреч и образы персонажей изменены или объединены в композитные фигуры. Это сделано для сохранения приватности людей и для литературной точности текста.

Китайские, арабские и деловые термины используются как часть авторского опыта и культурной оптики. Книга не претендует на академическое исследование Китая или Ближнего Востока — это история пути, языка, любви, бизнеса, тела и возвращения к себе.

#####

Qiān lǐ zhī xíng, shǐ yú zú xià

«Путь в тысячу ли начинается с первого шага»

— Лао-цзы, Дао дэ цзин

Содержание

Пролог. Капельница и мокрый шлёпанец

ЧАСТЬ I. ДО КИТАЯ

Глава 1. Смоленск. Город, из которого всё время нужно было выйти

Глава 2. Москва. Первый китайский сигнал

ЧАСТЬ II. КИТАЙ ВХОДИТ В ТЕЛО

Глава 3. Шанхай. Китайский, который распухал в голове

Глава 4. Анна, секретный бар и город внутри города

Глава 5. Паническая атака в городе без воздуха

Глава 6. Алиса. Девочка с фиолетовыми волосами

Глава 7. Первый день в Нанкине. Подушки, одеяла и искусство торговаться

Глава 8. Five J. Девочки, с которыми Китай стал возможным

Глава 9. Пикник в парке. Куриные лапки, цигун и первое дыхание Китая

Глава 10. Ночная улица, где иностранцы были событием

Глава 11. Нанкин. МВА, зима и аудитории без тепла

Глава 12. Стохастика перед китайским Новым годом

Интерлюдия. Москва после Китая

Глава 13. Преподавательницы. Люди, через которых язык становился живым

Глава 14. Девочка из Казахстана. Традиция, деньги и другая женская судьба

Глава 15. Jane. Costa, HSK и смех, через который язык наконец открывался

Глава 16. Нанкинская еда. Яйцо с птенцом, утка и язык, который нужно было прожевать

Глава 17. Велосипед, сакура и кампус, который держал меня на колёсах

Глава 18. ###, африканские ребята и ночной Нанкин

Глава 18. ###, африканские ребята и ночной Нанкин

Глава 19. Нанкин. Рынок, после которого тело заговорило по-китайски

Глава 20. Нанкин. Сталкер в общежитии

Глава 21. Пекин. Компании, которые учили меня читать власть

Глава 22. Kunlun Games. Китайский digital без романтики

Глава 23. Baidu. Поисковик как государство внутри государства

Глава 24. GMGC и GMIC. Конференции, где Китай говорит скоростью

Глава 25. Великая стена. Когда пожилая китайка забирается по тебе как по лестнице

Глава 26. Китайское гостеприимство. Подарки, фрукты и красные праздники

Глава 27. Гонконг. Деньги смотрят на воду

Глава 28. Гонконгский офис. Поднимать с нуля и забыть про себя

Глава 29. Гарри Поттер на высоком этаже. Гонконг как китайский Нью-Йорк

ЧАСТЬ III. РЕКЛАМНЫЙ ## / ЦЗЯНХУ

Глава 30. Шанхай. Узкое горлышко рекламы

Глава 31. Господин Чэнь. Человек, которого могло не существовать

Глава 32. Финансовые клиенты. Деньги, которые искали китайский трафик

Глава 33. Гонконг. Город, где реклама становилась финансами

Глава 34. Нанкинские агенты и десять дверей, которые не открывались сразу

Глава 35. Партнёрство, которое всё равно двигалось в свою сторону

Глава 36. Почему без китайцев ничего не сделать

ЧАСТЬ IV. ФИЛОСОФИЯ И ВНУТРЕННИЙ СДВИГ

Интерлюдия. Мотоцикл, на котором я училась падать

Глава 37. Не бороться — не значит сдаться

Глава 38. Перемена приходит раньше решения

Глава 39. ###. Сила, которая возвращается в центр

Глава 39. ###. Сила, которая возвращается в центр

Интерлюдия. Игра «Я живу в Китае». Точка бифуркации

ЧАСТЬ V. ЛЮБОВЬ, ЖЕНСКАЯ СИЛА И МОРЕ

Глава 40. Яхта. Или как Греция решила за меня

Глава 41. Кипр. Остров, который учил меня быть выбранной

Глава 42. Когда любовь тоже становится учителем

Глава 43. Кипр. Когда весь мир закрылся

Глава 44. Остров как зеркало отношений

Глава 45. Вебинары с острова

Глава 46. Остров, диссертация и разрыв с прежней логикой

Глава 47. Поддержка, которая не громкая

Глава 48. Встречи, где ничего не получалось

Глава 49. МВА. Как женщина пишет диссертацию между мирами

Глава 50. Право не быть удобной

Глава 51. Письмо как способ остаться живой

Глава 52. Продавщица, ## и скидка за Путина

Глава 52. Продавщица, ## и скидка за Путина

ЧАСТЬ VI. ДУБАЙ

Глава 53. Бурдж-Халифа. Навигация как нервный срыв

Глава 54. Бурдж-Халифа. Пропущенный поворот

Глава 55. Замок luxury-клиента

Глава 56. Первый офис. Комната, в которой я решила быть компанией

Глава 57. Стратегия без предоплаты

Глава 58. Первый сотрудник. Когда бизнес становится чьей-то зарплатой

Глава 59. Маленькая победа, которая пришла как одно слово

Глава 60. Xiongmao Digital. Быть мостом дороже, чем кажется

Глава 61. Постковидный бум. Когда Дубай стал узлом

Глава 62. Китайская аудитория, которой ещё не умели говорить

Глава 63. 2022. Рынок, который переориентировался

Глава 64. Топ-50 недвижимости. Через нас проходил город

Глава 65. Китайские автомобили и рынок, который двигался быстрее нас

Глава 66. Когда тебя начинают копировать

Глава 67. Из эксперта в оператора моста

Глава 68. Когда договор подписан, но реальность ещё нет

Глава 69. Коуч, встречи и красивая клетка эффективности

Глава 70. Встречи, после которых ты едешь домой пустая

Глава 71. Бизнес как зеркало внутренней системы

ЧАСТЬ VII. ЦЕНА

Глава 72. После капельницы

Эпилог. Китай не для всех

Об авторе

Приложение I. Карта образов книги

Приложение II. Словарь терминов и китайских ключей

Приложение III. Карта героев

Приложение IV. Карта мотивов

Приложение V. Семь честных вопросов игры «Я живу в Китае»

Приложение VI. Фотохроника пути

Пролог. Капельница и мокрый шлёпанец

В больничной палате я впервые услышала, как звучит жизнь без переговоров.

Не было звонков. Не было сообщений, на которые нужно ответить «сейчас, потому что клиент ждёт». Не было необходимости держать лицо, объяснять стратегию, показывать уверенность, когда внутри уже давно нет ни уверенности, ни воздуха. Были только капли. И моё тело, которое наконец перестало участвовать в спектакле.

Самое страшное в выгорании не то, что ты устала. Самое страшное — ты слишком долго называешь усталость рабочим режимом. Ты слишком долго называешь тревогу ответственностью. Ты слишком долго называешь саморазрушение амбицией.

Я смотрела на капельницу и вдруг видела не больницу, а всю карту: маленький город, Москва, первый китайский контракт, Шанхай, Нанкин, Пекин, Гонконг, море, Кипр, Дубай, переговорные, кофе, золото, башни, клиенты, деньги, которых всё время не хватает, встречи, которые обещают всё и не дают ничего.

В этой карте не было лишних мест. Каждое место чему-то меня учило. Но я слишком долго принимала урок за наказание.

#

Shēn

«Тело».

В китайском мышлении тело — не просто оболочка. Это инструмент восприятия. Оно знает раньше ума. Оно помнит раньше биографии. Оно говорит раньше слов. И если ты слишком долго не слушаешь, оно не начинает говорить громче. Оно просто останавливает тебя.

Так началась эта книга. Не за письменным столом. Не на красивом ретрите. А там, где женщина, которая привыкла всё выдерживать, впервые позволила себе не выдержать.

Капельница капает медленно. Я считаю капли — не потому что мне это нужно, а потому что больше нечего делать.

Дубай за окном такой же, каким он был вчера и год назад: стекло, свет, башни, которые не устают быть красивыми. Снаружи кто-то едет на встречу. Кто-то пьёт кофе в правильном месте. Кто-то как раз произносит «let's circle back» — и оба за столом делают вид, что это что-то значит.

Я лежу в палате и слушаю капли.

Есть особый вид тишины, которая приходит не тогда, когда вокруг ничего нет. Она приходит тогда, когда ты наконец перестаёшь делать вид.

Примерно за пять лет до этого я стояла на набережной Шанхая, и вода попала мне в шлёпанец.

Это был глупый, маленький, совершенно незначительный момент. С одной стороны стоял старый Бунд — колонны, европейская память, всё немного театральное. С другой — стеклянный Пудун, почти нереальный, как обещание, которое ещё не знает, чем закончится.

Я стояла между ними с мокрой ногой и чувствовала — не понимала, именно чувствовала — что что-то началось. Что-то, у чего пока нет имени.

Потом был Нанкин, потом язык, который начал разбирать меня по частям, потом Пекин с его холодом и долгими переговорами, потом Гонконг, потом человек, которого я любила и который остался по ту сторону моего выбора. Потом Дубай — сначала как освобождение, потом как красивая ловушка.

Потом — эта палата. Капля. Пауза. Капля.

Это не история о том, как победить. Это история о том, как однажды перестать жить против себя.

И начинается всё с мокрого шлёпанца на набережной Шанхая.

ЧАСТЬ I. ДО КИТАЯ

Глава 1. Смоленск. Город, из которого всё время нужно было выйти

Есть города, которые не отпускают тебя громко. Они не держат за руку, не закрывают двери, не ставят шлагбаум на выезде. Они просто тихо шепчут: «Ну куда ты? Посмотри, у нас тут всё понятно. Тут можно жить. Тут можно не рисковать. Тут можно быть нормальной».

Я долго думала, что моя история началась в Москве или в Шанхае, где вода попала мне в шлёпанец на набережной Бунда. Но правда в том, что она началась раньше — в маленьком городе, где пространство с детства учит тебя двум противоположным вещам: быть незаметной и одновременно всё время доказывать, что ты не меньше этого пространства.

В маленьком городе очень быстро узнаёшь, как звучит чужое мнение. Оно не всегда произносится прямо. Иногда оно живёт в паузе. В том, как на тебя смотрят, если ты хочешь больше. В том, как взрослые говорят: «Ну это сложно», «Ну кому ты там нужна», «Ну надо быть реалисткой». Слово «реалистка» часто используют люди, которые давно перестали проверять, где заканчивается реальность и начинается их собственный страх.

Я не была удобной для этой логики. Во мне с самого начала было слишком много движения. Слишком много нервного, почти физического желания выйти за пределы. Не потому, что я презирала место, откуда пришла. А потому что внутри было ощущение: если я останусь в привычной схеме, со мной случится что-то хуже провала — со мной случится медленное исчезновение.

Потом была Москва. И Москва не спрашивала, готова ли я. Она просто включила скорость. В маленьком городе тебя проверяют на то, можешь ли ты хотеть большего. В Москве тебя проверяют на то, можешь ли ты платить за это желание телом, временем, нервами, одиночеством и способностью не распадаться, когда никто не хлопает тебя по плечу.

Так во мне сформировалась первая версия силы. Она была прямой, жёсткой, почти металлической. Сила «я сама». Сила «я выдержу». Сила «у меня нет права развалиться». Тогда я ещё не знала, что Восток позже будет долго разбирать эту силу на части — не чтобы уничтожить, а чтобы показать: женщина не обязана становиться железной, чтобы выжить. Иногда ей нужно стать водой.

#

Shui

«Вода».

Тогда я ещё не знала этого слова. Но, возможно, именно к нему я уже шла.

После главы. Зимняя память дома

Я любила смотреть, как за окном

На деревьях осень прошла и кругом:

Снег лежит и порхает, словно птица крылом,

С неба белую пыль разбросала огромным ковшом.

Я надену на плечи тёплый платок,

Мне бабуля вязала из пряжи овечьей.

Кружку чая налью и закину туда сахарок,

Мне так будет теплее на сердце.

Я скучаю по тихим тем вечерам

И по детским наивным надеждам,

Где теснился за пазухой Бога мечтаний

Тот самый огонь всех начинаний.

Мне снится зима у дома

И пушистый пес сторожила,

Он верностью служит и ждет,

Охраняя все то, чем так дорожила.

NTS Lira (c).

Глава 2. Москва. Первый китайский сигнал

В Москве Китай сначала появился не как страна. Он появился как задержка.

Письмо, на которое не отвечают вовремя. Правка, которая возвращается снова. Контракт, который будто бы уже согласован, но потом внезапно оказывается, что «нужно ещё обсудить внутри». В обычной европейской логике это раздражает. В китайской логике это не всегда отказ. Иногда это способ посмотреть, насколько ты умеешь держать процесс.

Тогда я работала в mobile digital. Всё было быстро: трафик, приложения, рекламные кабинеты, метрики, CPI, CPA, retention, отчёты, бюджеты. Мир казался управляемым, если у тебя есть таблица, цифры и достаточно настойчивости. Китайские компании разрушили эту иллюзию очень элегантно.

Они не ломали меня. Они просто не двигались в моём темпе.

В какой-то момент я поймала себя на странном чувстве: меня больше не бесит задержка. Меня завораживает сам механизм. Что происходит внутри этой системы? Почему решение не принимается там, где, кажется, уже есть все условия? Кто на самом деле влияет? Где видимая

власть, а где реальная? Что важнее: текст договора или отношения между людьми, которые его подписывают?

##

Guānxì

«Связи, отношения, сеть доверия».

Позже я пойму, что ## нельзя перевести словом «нетворкинг». Нетворкинг — это обмен визитками. ## — это ткань доверия, обязательств, лица, памяти, взаимных услуг и очень долгого времени. В Москве я ещё не знала этого. Но уже чувствовала, что за дверью есть не просто новый рынок. Там есть другая цивилизационная операционная система.

Именно поэтому Китай стал не поездкой, а вызовом. Мне нужно было не «посмотреть страну». Мне нужно было понять, как думает мир, который не обязан объясняться моими словами.

На самом деле всё началось не в Китае.

Китай вообще редко начинается в Китае.

Он начинается раньше — в раздражении, в непонимании, в странном внутреннем вызове, когда ты впервые сталкиваешься с системой, которая не подчиняется твоей привычной логике. И если в тебе есть нерв, если есть любопытство, если есть упрямство, которое не даёт отступить, то именно в этот момент он и начинает работать внутри тебя, хотя ты ещё не можешь назвать это по имени.

У меня всё началось в Москве.

Москва тогда была городом, в котором нужно было быстро взрослеть. Не по возрасту — по ритму. По количеству часов, которые ты можешь выдержать. По способности не размякать. По умению быть полезной, собранной, не раскисать и не ждать, что кто-то создаст тебе пространство для мягкого раскрытия. Москва не занималась такими вещами. Она либо встраивала тебя в свой ритм, либо оставляла где-то на обочине, и в этом, возможно, была её особая честность.

Я работала в мобильном digital-маркетинге. Обычная история: проекты, задачи, индустрия, которая всё время куда-то бежит. Тогда мне казалось, что я примерно понимаю, как устроен мир. Есть рынок. Есть клиенты. Есть переговоры. Есть логика. Всё может быть сложно, но всё в конечном счёте объяснимо.

А потом в этот мир начали приходить китайские компании.

Потом появился контракт с игровой компанией из Пекина. И вот тут началось первое настоящее замедление, которое меня сначала раздражало, а потом стало почти гипнотизировать. Контракт согласовывался шесть месяцев. Полгода. Каждая правка возвращалась. Каждый пункт жил собственной жизнью.

Тогда я ещё не знала, что в Китае «да» не всегда значит «да», «нет» не всегда значит «нет», а время в переговорах не обязано работать по европейской логике.

И в какой-то момент меня вдруг поразила не сложность переговоров, а другое: я вообще не понимала, как они думают. Не в смысле «они странные». В смысле — мой способ видеть мир здесь просто не работает.

Именно тогда у меня и появилась мысль поехать в Китай. Не ради романтики. Не ради галочки. А чтобы понять: что это за люди, как они принимают решения, что такое ## (*guānxì*) не по статье, а по жизни.

Тогда это был просто интерес. Очень сильный. Почти физический. Как будто ты стоишь перед дверью, за которой уже есть система, деньги, язык, власть, скорость, красота, сложность, унижение, амбиция, внутренний рост и будущая боль — а ты пока видишь только щель света и почему-то всё равно точно знаешь, что должна войти.

Я вошла. И в августе 2016 года прилетела в Китай.

Поэтическая вставка. Аэропорт

*Bever в душе, сегодня мы оденем маску #naturel
«В аэропорт!» свободно пробурчим таксисту и закончим день.
Мороз окна привычно соскрежем перчаткой
И проз закинем в инстаграм Москве, хэштега легкой хваткой.*

*В аэропорте вспомнишь, как твой первый самолет крылом раснял седые облака,
Тихонько в суете вздохнешь и в сотый раз прокрутишь в голове дела.
В дороге мы проводим времена, бежим, спешим на рейс.
Меняем страны, города, торопим мысли, жизнь.*

NTS Lira (c).

ЧАСТЬ II. КИТАЙ ВХОДИТ В ТЕЛО

Глава 3. Шанхай. Китайский, который распухал в голове

Шанхай в моей памяти часто начинается с Бунда, воды в шлёпанце и ощущения, что город смотрит на меня стеклянным Пудуном с другого берега. Но на самом деле мой первый Шанхай был не только красивым. Он был языковым перегревом.

Именно в Шанхае я учила китайский так интенсивно, что в какой-то момент перестала понимать, на каком языке устаю. Позже в Нанкине будет МВА, предметы, диссертация, теория вероятности и другой тип напряжения. А в Шанхае был язык. Чистый, прямой удар языка по мозгу.

В группе были японцы, испанцы, корейцы, люди из разных стран, у каждого — свой уровень, свой акцент, своя скорость. Японцы писали иероглифы на доске почти бегло. Для них китайские знаки были не абсолютной чуждостью, а родственниками из соседней культуры. Они могли посмотреть на иероглиф и хотя бы догадываться, как его держать в голове. Для меня же это был не алфавит. Это была стена.

Я смотрела, как они быстро выводят черты, как уверенно ставят знаки, как преподавательница кивает, потом что-то объясняет по-английски, а если японские студенты не понимают — ещё и переводит им на японский. И у меня внутри поднимался почти физический шум. Китайский, английский, японский, русские мысли, которые не успевали оформляться, шанхайский диалект на улице, который я вообще не понимала. Всё это летело в голову одновременно.

Шанхайский диалект стал для меня отдельным унижением. Ты только начинаешь понимать, что ## — это ##, что ### значит “не острое”, что ## — преподаватель, что ### — сколько стоит, и вдруг в городе слышишь совсем другую ткань речи. Китай будто говорил: ты думала, что входишь в язык? Нет. Ты входишь в целую систему языков, тонов, регионов и скоростей.

Параллельно я ходила на дополнительные курсы. Мне казалось, что если я буду заниматься ещё больше, то быстрее прорвусь. Утром — занятия. Потом дополнительные занятия. Потом домашние задания. Потом переписка с Европой по работе. Потом звонки с коллегами, где нужно было снова быть профессиональной, собранной, говорить по-русски и по-английски, объяснять задачи, держать контекст.

В какой-то момент я созвонилась с коллегами из Европы и поняла, что не могу нормально выразить мысль на русском. Не потому что забыла язык, а потому что внутри всё перемешалось. Мысль сначала возникала каким-то китайским обрывком, потом пыталась пройти через английскую деловую структуру, потом должна была стать русской фразой — и ломалась по дороге.

Это было страшно. Не красиво, не “я погрузилась в язык”, а именно страшно. Как будто внутри головы кто-то одновременно открыл слишком много вкладок, и ни одна больше не закрывалась.

##

Yǐyǎn

Язык.

Тогда я впервые поняла: язык — это не просто инструмент общения. Это вторжение. Он меняет скорость мысли, ритм дыхания, даже способ усталости. Когда языков становится слишком много, личность на время теряет привычный центр.

Поэтическая вставка. Когда придёт весна в Шанхай

Когда придёт весна в Шанхай, вернусь туда стремительным разбегом.

Где жизнь бурлит, шумит, вздымается, кипит.

Где селфи делает китайский паренёк в метро с тобой между делом,

Когда толпой замочных скважин за тобой следит, прищуривается, видит

Блюститель закона, и каждый в это время мудр и на месте.

На улице не стащит твой iPhone, а позвонит, ## (nǐ hǎo) скажет, будет честен.

Я запах тофу люблю, куплю его на улице у деда,

Он кормит всю свою семью, когда готовит быстро и умело.

Пройдусь к жемчужине и пальцами сниму огромный финансовый конгломерат,

На 360 по Фаренгейту развернусь: к прохожим, я вам рад :-)

Ты жди меня, китайский поднебесный мир,

Я скоро буду, жди.

Я знаю как зовут шофёра: ## ##! (Nǐ hǎo, chēfū),

Вези меня, такси!

NTS Lira (c).

Поэтическая вставка. Nanjing lu

Отбросив невзгоды и сердца усталость,

Веслом загребая волны событий быстрее,

Заметив города самую малость:

Часть жизни твоей и моей.

Иду по шумящей дороге Шанхая,

Ловлю улочек запах и звук.

Кто знает, доберусь сегодня до рая,

А завтра прямиком в ад попаду.

Мне город нальёт чашечку чая

Зелёных листьев улуга,

Целующих губы подруг.

Огни фонарей Nanjing lu

Вдохнут новый смысл, играя

В события круга,

Шумя на ветру.

NTS Lira (c).

Глава 4. Анна, секретный бар и город внутри города

В Шанхае я познакомилась с Анной. Пусть в книге её будут звать так. Она была из России, из области, где тоже знают, что такое уехать и собирать себя заново, но давно жила в Германии,

в Гамбурге. В Шанхай она приехала с мужем, и в ней было то интересное сочетание русской памяти и европейской собранности, которое я тогда очень хорошо чувствовала.

Мы вместе учили китайский, гуляли, разговаривали о том, как странно оказаться в городе, где всё одновременно слишком современное и слишком непере译имое. Шанхай вообще был городом внутри города для иностранцев. До ковида здесь жили миллионы иностранцев, и у каждого был свой маршрут: кто-то строил карьеру, кто-то учил язык, кто-то приехал за деньгами, кто-то за свободой, кто-то за красивым мифом о себе в Азии.

И Шанхай умел поддерживать этот миф. Там были места, которые днём выглядели как обычная парикмахерская. Ты проходишь мимо — кресла, зеркала, ножницы, привычная вывеска. А ночью вдруг оказывалось, что зеркало открывается, за ним дверь, а за дверью — бар. И там уже совершенно другой город: иностранцы, коктейли, английская речь, музыка, люди, которые будто бы случайно знают тайный вход в жизнь, которая не видна с улицы.

Мы пошли туда с Анной и её мужем, и я помню это ощущение: Китай не исчерпывается фонарями, лапшой, университетами и контрактами. Есть ещё Шанхай как театр. Шанхай как секрет. Шанхай как город, который постоянно спрашивает: ты видишь только фасад или уже научилась искать дверь за зеркалом?

В этих барах иностранцы становились отдельной культурой. Ирландские, британские, американские игровые сообщества, встречи по четвергам, разговоры о mobile marketing, играх, трафике, издателях, креативе, азиатских рынках. Там была девочка-переводчик, с которой мы общались с игровым сообществом в ирландском пабе. В такие вечера Китай вдруг становился не только китайским. Он становился глобальным узлом, где русский digital, европейский опыт, китайские платформы и американские игровые разговоры встречались за одним столом.

Я тогда ещё не знала, что именно этот разношёрстный Шанхай потом станет одной из причин, почему Китай не отпустит меня никогда. Потому что Китай, который меня зацепил, был не только древним и не только современным. Он был многослойным. В нём можно было утром не понимать преподавательницу, днём пытаться объяснить таксисту адрес, вечером обсуждать gaming user acquisition в ирландском пабе, а ночью идти в бар через зеркало парикмахерской.

###

Mén zhōng mén

Дверь внутри двери.

Шанхай научил меня искать вторую дверь. В бизнесе, в культуре, в людях и, наверное, в себе.

Глава 5. Паническая атака в городе без воздуха

Но у любого интенсивного восторга есть цена. В Шанхае эта цена пришла через тело.

Было жарко. Настолько, что жара переставала быть погодой и становилась состоянием. В комнате не работал нормальный кондиционер. Был вентилятор, который не охлаждал, а просто разгонял горячий воздух, как будто кто-то гонял по комнате невидимую ладонь. Воздуха не становилось больше. Он просто двигался.

Я была переучена, перезанята, перенапряжена. Китайский утром, китайский днём, домашние задания, работа, звонки, чужой город, шанхайский диалект, японский в аудитории, английский в переписке, русский, который начал выпадать из рук. Сон стал поверхностным. Тело перестало восстанавливаться.

Однажды я пошла в аптеку. На своём ломаном китайском попыталась спросить что-то для сна. Снотворное. Я даже не знаю, насколько правильно я объяснила. В Китае ты часто не до конца понимаешь, что именно покупаешь: ты доверяешь жесту, упаковке, уверенности продавца и своей усталости.

Мне дали таблетки. Я выпила.

И меня не просто “успокоило”. Меня будто выключило неправильно. Ночью я вставала в три часа, смотрела в зеркало и не понимала, где я нахожусь. В комнате был вентилятор, тёмное окно, чужая страна, моё лицо — и между всем этим не было нормальной связи. Как будто я вышла из себя на несколько шагов и не могла вернуться обратно.

Это была не просто усталость. Это была первая настоящая паническая трещина. Тогда я ещё не называла это словами, не делала из этого психологическую концепцию. Я просто понимала: организм больше не справляется. Ему нужны не новые занятия и не ещё один рывок, а витамины, сон, вода, пауза. Но я ещё очень плохо умела останавливаться.

Позже я уеду на остров в Европу и пойму, что мне всё равно нужно возвращаться, получать степень, дописывать диссертацию в Нанкине. Но Шанхай уже оставит во мне важное знание: можно быть очень сильной и всё равно перегреть систему. Можно любить страну, язык, возможности — и всё равно разрушаться, если не слышишь тело.

##

Xīxi

Отдых.

В Китае это слово звучало слишком просто. Мне потребуются годы, чтобы понять, что иногда оно сложнее любого иероглифа.

Глава 6. Алиса. Девочка с фиолетовыми волосами

В Шанхай я приехала не одна. Вернее, формально каждая из нас ехала в свою новую жизнь, со своим чемоданом, тревогой, документами, грантом и тем странным ощущением, что назад уже не получится так же просто, как раньше. Но именно там, на стыке Москвы, аэропорта, проводов, мамы и бывшего первого мужа, появилась она — Алиса.

Нас законнектило агентство, через которое мы оформляли гранты. До этого Алиса была для меня просто именем в переписке: ещё одна девочка, которая едет в Китай, ещё одна будущая соседка, ещё один человек из той категории, где сначала кажется, что вы просто делите логистику, а потом вдруг оказывается, что делите кусок судьбы.

Я увидела её в аэропорту — и первое, что запомнила, были волосы. Невероятные фиолетовые волосы. Не аккуратный оттенок, не попытка слегка выделиться, а именно цвет как заявление: я здесь, я живая, я не собираюсь гаснуть. В ней было столько энергии, что рядом с ней хотелось хотя бы на несколько минут перестать быть взрослой, уставшей, собранной, московской женщиной, которая уже слишком много умеет выдерживать.

Мама провожала меня с той тревожной любовью, в которой смешаны гордость, страх и желание ещё раз проверить, всё ли я взяла. Бывший первый муж тоже был рядом — часть жизни, которую я уже оставляла, но которая ещё стояла у выхода на посадку и делала вид, что всё это можно назвать просто поездкой. Алиса стояла рядом — младше меня, только после питерского университета, лучезарная, почти электрическая. И я вдруг почувствовала: может быть, я не совсем одна.

В Китае она потом не раз становилась для меня чем-то вроде ангела-хранителя. Не в сентиментальном смысле, а в очень практическом: там, где я могла зависнуть между языком, усталостью и внутренним обмороком, она каким-то образом начинала говорить, спрашивать, договариваться, смеяться, вытаскивать ситуацию наружу. У неё был талант коммуникации — лёгкий, почти врождённый. Она входила в пространство не как иностранка, которая боится ошибиться, а как человек, который заранее уверен, что с миром можно договориться.

Мне тогда этого не хватало. Я оставляла московскую жизнь целиком: работу, ритм, привычные маршруты, старую версию отношений, старую версию себя. Алиса ещё только начинала свой большой выход из прежнего мира, и в этой разнице было что-то очень важное. Я несла с собой опыт и усталость. Она несла свет.

#

Guāng

Свет.

Иногда человек входит в твою жизнь не как главный герой, не как любовь, не как учитель, а как фонарь. Он просто светит рядом, пока ты идёшь по очень тёмному коридору и делаешь вид, что тебе не страшно.

Глава 7. Первый день в Нанкине. Подушки, одеяла и искусство торговаться

В Нанкин мы приехали уже не как зрительницы нового мира, а как люди, которым в этом мире нужно было сегодня же где-то спать.

В общежитии не было почти ничего. Ни нормальных подушек, ни одеял, ни посуды, ни тех маленьких бытовых вещей, которые дома кажутся фоном, а в другой стране вдруг становятся первой границей между “я справлюсь” и “что я вообще здесь делаю”. Комната есть, кровать есть, но жить ещё нечем. И это очень точное ощущение начала эмиграции: формально ты уже приехала, но быта у тебя ещё нет.

Мы с Алисой поехали покупать всё необходимое. Большой китайский молл встретил нас светом, этажами, запахом нового пластика, тканями, коробками, людьми, которые двигались уверенно, потому что им не нужно было переводить даже вывески. Мы стояли среди подушек и одеял и пытались понять, как выбрать, сколько это стоит, можно ли торговаться и почему даже покупка пледа вдруг превращается в переговоры о выживании.

Нас выручили ребята из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана — те самые старшие студенты, которые уже прошли первую волну китайского бытового шока и теперь смотрели на нас с лёгкой улыбкой людей, знающих, что через это проходят все. Они помогали нам торговаться. И это было удивительно: даже в большом молле, почти как в китайском Auchan, оказалось возможно сбить цену, если покупаешь много и если рядом есть человек, который понимает, когда продавец уже готов уступить, но ещё должен сохранить лицо.

Мы купили подушки, одеяла, какую-то утварь, то, что должно было превратить общежитие из пустой клетки в место, где можно пережить первую ночь. Скидка казалась победой. Не потому, что мы сэкономили много денег, а потому что в тот момент Китай впервые дал нам маленькое ощущение: с ним можно договариваться. Не всегда быстро. Не всегда по правилам, которые ты знаешь. Но можно.

####

Tǎojià huánjià

Торговаться.

Позже я пойму, что торг в Китае — это не только про цену. Это маленькая модель отношений. Ты не просто покупаешь вещь. Ты проверяешь границы, тон, улыбку, терпение, способность слышать, где человеку важно выиграть деньги, а где — сохранить достоинство.

Глава 8. Five J. Девочки, с которыми Китай стал возможным

Через какое-то время вокруг нас сформировался свой маленький женский круг. Пять девчонок. Мы называли себя Five J — немного шутя, немного всерьёз, с той молодой верой, что если дать своей компании название, у неё сразу появится сила.

Это не была дружба из красивых цитат. Это была дружба из жары, голода, общежития, китайских сим-карт, поездок, чужого языка, вечных “а ты поняла, куда идти?”, и смеха, который иногда спасает лучше, чем деньги.

Алиса была светом. Лучезарная, быстрая, с фиолетовыми волосами и способностью договаривать с миром, даже когда мир отвечал на китайском.

Была Кейт — невероятно красивая девочка из Казахстана, которой как раз исполнилось восемнадцать. В ней была та редкая красота, которая не нуждается в усилии: упругие формы, лицо метиски, детская свежесть и уже почти взрослая телесная магнетичность. За ней очень

быстро начали ходить мальчики. Сначала из Казахстана, потом вообще все, кому хватало смелости стоять рядом и делать вид, что они просто случайно оказались поблизости.

На этом фоне в моей жизни тоже появился молодой человек из Москвы, который начал за мной ухаживать. В нём было какое-то почти театральное умение красиво появляться, писать, приходить, проявлять внимание. Тогда я ещё не всегда понимала, где настоящее чувство, а где просто талант мужчины ухаживать за красивыми девушками. Китай очень быстро стал не только школой языка, но и школой различения: кто видит тебя, а кто видит образ, которым хочет обладать.

Была Вера из Якутии. Китайцы иногда принимали её за свою, и в этом было что-то символическое: среди нас она будто умела проходить между мирами мягче остальных. У неё был невероятный смех. Не громкий, не демонстративный, а обволакивающий. Смех, который снимал напряжение в любой ситуации. Если всё шло не так — а в Китае в первое время почти всё шло не так, — Вера могла засмеяться, и пространство сразу становилось менее враждебным.

Была Дина из Казахстана — с той энергией, которая тянула нас не только выживать, но и жить красиво. Мы часто ходили с ней в fancy cafés, иногда тратили на эти посиделки совершенно неприличные для студенток деньги, но получали от этого почти эстетическое исцеление. Китай мог быть липким, жарким, громким, неудобным, с тараканами под потолком и красным острым бульоном, от которого текли слёзы. А потом ты садилась в красивом кафе, брала кофе и десерт — и на час возвращала себе ощущение формы.

Наш круг был очень разным: Россия, Казахстан, Якутия, Питер, Москва, Центральная Азия, разные семьи, разные представления о женской судьбе, разные уровни свободы и осторожности. Но Китай нас быстро перемешал. Там не имело значения, кто ты была дома. Важнее было, можешь ли ты сегодня вместе с другими найти аудиторию, купить еду, объясниться, не сломаться от жары и вечером всё равно смеяться.

##

Huǒbàn

Спутницы, товарищи, люди, с которыми проходишь путь.

Five J были не просто девочками из общежития. Они были первой женской системой поддержки в стране, где каждая из нас по-своему училась быть взрослой.

Глава 9. Пикник в парке. Куриные лапки, цигун и первое дыхание Китая

Одним из первых общих выходов стал пикник в нанкинском парке.

Там я впервые увидела, как люди занимаются цигуном и тай-чи не на видео, не в туристической программе, не как экзотическую открытку, а просто в своём обычном утре. Под музыку. В парке. Среди деревьев, жары, велосипедов, детей, пожилых людей, которые двигались так медленно, будто знали о времени что-то, чего мы ещё не знали.

Их движения были почти невозможными для моего тогдашнего внутреннего состояния. Я приехала из Москвы, где тело привыкло быть сжатым, быстрым, готовым. А здесь люди поднимали руки так, будто держали воздух. Переносили вес так, будто разговаривали с землёй. Не доказывали силу — распределяли её.

Мы заказали огромный чан с курицей и овощами. Тогда я ещё не понимала, что в Китае курица — это не только аккуратное белое филе, к которому привык западный глаз. В бульоне оказались лапки. Головы. Части, от которых мой мозг сначала отказался воспринимать блюдо как еду. Жара была такая, что есть особенно не хотелось, но смотреть было невозможно не смотреть: Китай снова показывал мне, что он не будет подстраиваться под мои представления о “нормальном”.

В этом парке всё происходило одновременно: кто-то смеялся, кто-то пытался есть, кто-то объяснял, что куриные лапки — это вкусно, кто-то фотографировался, кто-то просто лежал в тени и делал вид, что влажность не превращает кожу в отдельный орган восприятия.

А рядом пожилые китайцы продолжали двигаться медленно под музыку. И я не могла отвести взгляд. Тогда я ещё не знала, что спустя годы уже в Дубае вернусь к тай-чи и цигун не как к красивой китайской картинке, а как к способу снова собрать своё тело после перегруза. Но, возможно, первый крючок был именно там — в нанкинском парке, рядом с огромным чаном курицы, которую я не могла есть.

##

Qigōng

Работа с энергией и дыханием.

Иногда будущее входит в жизнь очень незаметно. Ты думаешь, что просто смотришь на чужую утреннюю гимнастику, а на самом деле тело уже запоминает путь домой.

Глава 10. Ночная улица, где иностранцы были событием

Нанкин ночью был другим. Не университетским, не учебным, не влажно-утренним, а шумным, подсвеченным, немного липким от музыки, алкоголя и чужого любопытства.

Была улица, куда мы часто выбирались. Тусовочная, живая, с барами и клубами, где иностранцы иногда становились не просто гостями, а почти частью маркетинга. Нас могли затащить внутрь, предложить бесплатную еду или алкоголь — только потому, что наше присутствие делало место более международным, более весёлым, более “интересным” для китайской публики.

Сначала это казалось забавным. Потом я начала чувствовать двойственность. С одной стороны, тебе приятно: тебя замечают, приглашают, вокруг движуха, музыка, ребята из разных стран, африканские студенты танцуют так, что весь зал сразу становится живым. С другой — ты понимаешь, что иностранка в Китае часто превращается в знак. Не обязательно в человека. В знак открытости, статуса, веселья, экзотики.

У нас было много ребят из Африки. Они потрясающе танцевали. В их движениях было то, чего не было в моём московском теле: свобода без постоянной внутренней цензуры. Мы учились у них не танцам даже, а разрешению быть телесными. Смеяться, двигаться, занимать пространство, не спрашивая у него разрешения.

Я тогда ещё не знала, насколько важным окажется этот опыт. В Китае я училась иероглифам, тонам, переговорам, ##, терпению. Но параллельно училась гораздо более сложному: снова жить в теле. Не только головой. Не только задачами. Не только “надо”.

Rènao

Шумная, живая, наполненная людьми атмосфера.

Ночной Нанкин был именно таким — ##. Иногда слишком. Иногда спасительно. Он учил меня, что жизнь не обязана быть только серьёзной, даже если ты приехала сюда за большой трансформацией.

Бунд — это не просто набережная. Это место, где город показывает тебе сразу две свои памяти.

С одной стороны — европейские фасады, колонны, тяжелая архитектура, как будто кто-то однажды решил прибить к китайской земле чужую уверенность. С другой — Пудун: стекло, башни, футуристическая вертикаль, новый Китай, который уже не просит разрешения быть великим.

Я стояла между ними и чувствовала себя так же: одна часть меня ещё жила в старой истории — ожидала любви как спасения, ждала, что кто-то приедет, выберет, подтвердит мою ценность. Другая часть уже смотрела на новый берег и понимала: если никто не приедет, значит, я всё равно пойду.

Это очень важный момент для женщины. Не тот, когда она перестаёт хотеть любви. А тот, когда она перестаёт делать любовь доказательством своего права на движение.

##

Shànghǎi

«Город над морем».

В названии Шанхая есть море. Но в самом городе море как будто заменено скоростью, стеклом, деньгами, влажным воздухом и огромным количеством людей, которые куда-то идут. Там легко почувствовать себя маленькой. Но иногда именно это и нужно. Когда ты слишком долго живёшь внутри чужого ожидания, большой город возвращает тебе правильный масштаб: он не обязан тебя замечать, и в этом есть свобода.

Мне не нужно было, чтобы Шанхай меня полюбил. Мне нужно было, чтобы он не мешал мне начать.

И он не мешал.

Июль. Шанхай. Примерно четыре часа дня.

Я приехала из аэропорта три часа назад. Чемодан в хостеле, паспорт в сумке, телефон почти разряжен. Я пошла к воде — это почти всегда правильное решение в незнакомом городе.

В аэропорту меня действительно остановили. Долго держали на паспортном контроле. Я стояла у стойки и думала не о визе. Я думала: вот сейчас позвоню, скажу — меня задерживают, не пускают — и он приедет. Прилетит. Сделает что-нибудь такое, после чего понятно: это важно, ты важна, это не конец.

Меня пустили. Он не прилетел.

Бунд оказался не таким, каким я его видела на фотографиях. В жизни — живым, шумным, немного небрежным. Дети бегали между туристами. Пожилой мужчина с маленьким радио сидел на парапете и смотрел на воду так, будто она была его личным делом.

Я достала телефон. Написала: «Стою на Бунде. Здесь красиво.» Удалила. Написала: «Меня пустили.» Удалила. Просто держала телефон в руке и смотрела на Пудун.

Я ждала геройства. Не в громком смысле — не самолёта, не сцены в аэропорту. Просто: ты важна настолько, что человек, который тебя любит, не может остаться там, пока ты здесь. Я ждала этого всё лето. Потом ещё одно лето. Потом перестала ждать — но это случится позже, и будет стоить дороже, чем я тогда понимала.

Шанхай смотрел на меня с той стороны реки своими стеклянными башнями. Совершенно равнодушно. Совершенно без интереса к тому, кто приедет, кто не приедет.

Это было почти облегчением.

Я подумала: ладно. Посмотрим. И пошла искать, где поесть.

Глава 11. Нанкин. МВА, зима и аудитории без тепла

Если Шанхай был для меня языковым перегревом, то Нанкин стал академической проверкой. Здесь я уже не просто учила китайский. Здесь начался МВА — Nanjing University of Posts and Telecommunications, университет почты и телекоммуникаций, где всё казалось одновременно международным и очень китайским.

Летом заниматься было почти хорошо. В аудиториях было светло, кампус жил зеленью, после занятий можно было сесть на велосипед, проехать мимо деревьев, купить булочку на пару и почувствовать, что жизнь, возможно, всё-таки складывается. Но когда пришла зима, Нанкин показал другую сторону.

Южный Китай умеет обманывать цифрами. Минус один или минус три на термометре звучит почти смешно для человека из России. Но нанкинская влажность входит в кости. Она не кусает, как северный мороз. Она просачивается. Садится в пальцы, колени, спину, в ткань куртки, в тетради, в ручку, которой ты пытаешься писать иероглифы или формулы.

В аудиториях не было нормального отопления. Некоторые пространства кампуса были открыты на улицу: внутренние переходы, коридоры, лестницы, дворы, где ветер гулял свободно, будто университет считал, что студент должен закаляться не только умственно. Мы

сидели на занятиях в куртках. Пили горячую воду из термосов. Термос в Китае вообще быстро перестаёт быть бытовой вещью и становится продолжением тела.

Китайцы спокойно жили в этой логике. Дома могли держать двери и окна открытыми даже зимой. Надеть пижаму, сверху куртку — и ходить так, будто это совершенно нормальный климатический компромисс. Позже, когда я уже ездила с мужем в Пекин, он тоже удивлялся: почему двери открыты, если холодно? А я уже знала ответ: потому что Китай не всегда стремится создать комфорт в западном смысле. Он учит приспосабливаться.

В Нанкине я приспосабливалась к МВА так же, как к холоду. Не красиво. Не героически. Иногда просто сидела в куртке, с замёрзшими руками, термосом горячей воды, смотрела на доску и думала: ну вот, теперь я ещё и это должна выдержать.

##

Shīlěng

Сырой холод.

Влажный холод Нанкина стал для меня отдельным педагогом. Он учил: иногда тяжесть не выглядит драматично снаружи. Она просто долго находится рядом и медленно забирает силы.

Глава 12. Стохастика перед китайским Новым годом

Самым нелепым символом моего МВА стала стохастика. Теория вероятности.

Я терпеть не могла точные науки ещё со времён первого университета в Смоленске. Во мне всегда было больше гуманитарного нерва: языки, тексты, люди, смыслы, культура, переговоры, всё, где можно чувствовать нюанс. А тут — формулы, вероятности, распределения, строгая логика, которая не хочет слышать, что у тебя вообще-то драматический период жизни и срочно нужно уезжать на остров в Европу по бизнесу.

Мне действительно нужно было уехать. Бизнес, переговоры, остров, другая часть жизни, которая требовала присутствия. Я пыталась всеми силами перенести экзамен. И в итоге перенесла. На потом.

Но “потом” в Китае тоже приходит. Иногда очень холодным январём, когда на носу китайский Новый год, весь воздух уже наполнен предвкушением праздника, люди думают о поездках к семьям, подарках, ужинах, красных конвертах, а ты сидишь и должна сдавать стохастiku.

Я помню конец января или начало февраля. Зима. Аудитория. Ощущение, что вообще всё во мне не настроено на вероятность. Мне хотелось не распределений, а спать, пить горячую воду, выжить, закрыть этот хвост и наконец выйти из состояния вечного академического долга.

Рядом оказался пакистанец из другого потока. Мы сидели где-то в этой общей студенческой беспомощности, где международность университета внезапно перестаёт быть красивым словом и превращается в простое: ты тоже не понимаешь, я тоже не понимаю, давай как-то пройдем через это вместе.

Я сдала. Не блестяще. Не как человек, который вдруг полюбил стохастiku. Где-то что-то списала, где-то что-то поняла, где-то набрала ровно те баллы, которые можно было зачесть. И это была не победа ума. Это была победа выживания.

Китайский Новый год приближался. Вокруг постепенно появлялись красные украшения, фонари, ощущение весны, хотя телу всё ещё было холодно. Китай входил в праздник, а я выходила из стохастики, как из маленькой войны.

##

Chūnjié

Праздник весны, китайский Новый год.

Иногда новая весна начинается не с красивого решения, а с того, что ты наконец закрыла предмет, который ненавидела.

Китайский язык нельзя выучить только головой. В какой-то момент он начинает входить в тело.

Сначала ты думаешь, что изучаешь слова. Потом понимаешь, что изучаешь новый способ видеть причинность. В русском и английском тебе кажется, что мысль идёт по знакомой дороге: субъект, действие, результат. В китайском всё иначе. Там часто важнее контекст, чем грамматика. Тон важнее уверенности. Пауза важнее прямого ответа.

Я сидела на занятиях, писала иероглифы и иногда чувствовала себя ребёнком. Это было неприятно. В Москве я была взрослой: работала, зарабатывала, договаривалась, сама себя обеспечивала. В Нанкине я снова не знала элементарного. Как попросить. Как понять объявление. Как не перепутать тон и случайно не сказать что-то нелепое.

Но именно в этом и была польза. Китай отбирал у меня иллюзию контроля слой за слоем.

#

Zì

«Иероглиф, знак, письмо».

Иероглиф — это не буква. Это маленькая сцена. В нём есть форма, история, остаток древнего рисунка, жест руки, память культуры. Когда ты учишь иероглифы, ты не просто запоминаешь символы. Ты начинаешь видеть, что смысл может быть плотным, многослойным, не линейным.

Может быть, поэтому Китай так сложно объяснить тем, кто хочет быстрый вывод. Китай не даёт быстрый вывод. Он даёт систему знаков. А потом смотрит, хватит ли у тебя терпения их читать.

Вечерами после занятий я иногда возвращалась в общежитие с таким ощущением, будто день прошёл не снаружи, а внутри черепа. В голове гудели тоны. На руках оставались следы ручки. В телефоне — рабочие сообщения. В теле — жара. В сердце — непонятная смесь одиночества и гордости.

Я не знала, что строю новую себя. Я думала, что просто учу китайский.

В Нанкин я приехала в августе, и жара встретила меня как живое существо — не как погода, а как среда обитания, в которой нужно было научиться дышать иначе.

Общежитие: четыре стены, кондиционер, который не работал, окно на внутренний двор. В первую ночь под потолком летали тараканы. Большие. Я стояла посреди этой комнаты и не понимала, как я здесь оказалась.

В восемь утра начинался интенсив. Японцы выходили к доске и писали иероглифы быстро, уверенно, почти не думая. Для них это было близко. Для нас — чужой алфавит, чужая логика, чужая память.

Где-то в первые недели мне дали китайское имя. ##. Lěng Jìng. Преподавательница написала иероглифы на доске и засмеялась. Хладнокровие. Спокойствие. Выдержка. Я стояла в классе, мокрая от нанкинской жары, с тараканами в памяти — и кивала. Да. Конечно. ##. Очень подходит.

После 8 часов интенсивного китайского, дополнительных занятий, жары без кондиционера, велосипеда и вечера с иностранцами я просто переставала понимать, на каком языке устала. Изучение языка — это не романтика. Это момент, когда мозг плавится раньше асфальта.

Ему я писала редко. Не потому что не думала. А потому что не знала, что говорить. Разговора — настоящего — у нас давно не получалось.

Иногда просто лежала и слушала кампус в темноте. Плакала — тихо, без особого повода, просто потому что можно. Соседка однажды сказала: зачем так убиваться, ты уже здесь. Она была права.

И я уже работала. Переписка с Европой, счета, договорённости — всё это шло параллельно иероглифам и тонам. Моя квартира в Москве сдавалась. Моя жизнь обеспечивалась мной. Тихо и без торжества.

Он не приехал. Я не рассыпалась. Это тоже, как выяснится, было формой учёбы.

* * *

Вечереет извиваясь, кромкой ночь ползёт сиянием

с высоты святящей змейкой башен.

Пахнет тофу, кислым соусом на нём.

И туманом наполняет города свободу,

освещает чистая луна.

Обнимает город плечи, хрупкие, одежды моды.

Засыпает город алый, баннерный.

Надевает красный, новогодний и трепещущий наряд.

Засыпает всё, вкушая запах чая и его молочный аромат.

Скоро, совсем скоро... Расцветёт груша у дома.

(вдохновлено поэзией династии Ши)

Costa. Дождь. Конец

В тот вечер шёл дождь. Не сильный. Но такой, который не заканчивается. Я сидела в Costa. Окно занемело. В наушниках — Ludovico Einaudi. Та музыка, в которой не нужно слов.

Я тогда впервые почувствовала одиночество не как пустоту. А как пространство. Как будто всё лишнее уже ушло — люди, разговоры, старые чувства — и осталось что-то очень честное. Я.

И в этом состоянии слова начали приходить сами.

В ночном китайском доме красных фонарей,

Льёт дождь стеной, тропической преградой.

Вы не волнуйтесь, не смеюсь я вам, скорей, невероятно рада.

С шумящим и уютным ливнем, сию, целую ночи звёзд раскрас.

Молчу. Я просто больше не люблю вас.

Мне кажется, в другой стране ты не становишься новой. Ты просто перестаёшь держаться за старую версию себя. И именно в такие вечера начинается что-то другое.

Поэтическая вставка. Night (##)

Lone Wolf Trait Remix возьми вон там, на полке,

Найди тот самый трек, но можешь клацнуть на ремикс.

А кто такой Ludovico Einaudi — ты просто слушай.

Я завис.

Мне вечер вспомнит все твои грехи

И терпкий вкус китайского улун.

Ты будешь красное? Вино?

Купи бутылку Sauvignon.

Но нет, пожалуй, три.

Да, три бутылки Cabernet

И захвати Merlot;

Да, детка, именно его.

Не буду трубку поднимать —

Так ты быстрее прилетишь в прихожую

И, бросив куртку, как обычно,

До конца не растянешь ту самую, кожаную.

*Бокалы ждут тебя на кухне
И запах вкусного жаркого ужина.
Заснула — ну почему так незаслуженно?*

NTS Lira (c).

Интерлюдия. Москва после Китая

Я невероятно скучала по Москве.

Улочки, освещённые огнями и украшенные праздничными декорациями, ещё радуют глаз туристов и москвичей. Девушки устраивают фотосессии прямо на Красной площади, сбрасывая с себя куртки и шубы: правда, фото получаются намного привлекательнее для Instagram.

NTS Lira (c).

Поэтическая вставка. For my Ptiénchique

*Артистка забыла на стуле перчатку —
Французский велюр тёплой лёгкости.
Бариста искала кофе, зёрна, зачатки
В бумажных пакетах, манящих пальцы тонкостью.*

*И змей летел всё выше с детским смехом,
С бордюров начинал и к небу возносил
Пирожных запах розовый, нелепый,
Так вкусно в тот момент, когда мужчина женщину спросил.*

*Он быстро обернулся, посмотрел в глаза:
— А вы идёте в булочную? Parlez-vous français?*

*Она плечом пожала, ответив голосом простуженным:
— Я не была в Париже.*

*— Странно.
— Я думал, вы француженка.*

NTS Lira (c).

Глава 13. Преподавательницы. Люди, через которых язык становился живым

Китайский язык я учила не только по учебникам. Если бы всё сводилось к HSK, к спискам слов, к аудированию и домашним заданиям, возможно, я бы так и осталась человеком, который умеет сдать тест, но не умеет войти в чужую жизнь.

Язык в Китае начинался с людей. С их кухни. С их термосов. С их привычки оставлять двери открытыми. С того, как они смеются, когда ты неправильно произносишь тон, но не смеются зло — скорее, как будто помогают тебе родиться во второй раз, только уже через другой рот.

У меня было несколько преподавательниц. И каждая из них дала мне не только китайский, а свою версию Китая.

Сначала были большие группы в университете. Аудитории, доска, учебник, иероглифы, которые сначала выглядели как закрытые двери. Потом — маленькие группы по два-три человека. Потом — индивидуальные занятия. Потом — переписки в WeChat, голосовые, видео,

смех, домашние задания, песни из учебника, кофе в Costa, китайские рестораны, где язык вдруг переставал быть предметом и становился едой, телом, реакцией.

###

Xué Zhōngwén

«Учить китайский».

Только спустя годы я поняла: ### — это не “учить китайский” в школьном смысле. Это учиться думать иначе. Учиться ждать. Учиться ошибаться вслух. Учиться слышать тон, где раньше ты слышала просто звук. Учиться не стыдиться того, что твой ум снова становится детским.

В Нанкине у нас была любимая преподавательница, которая хорошо говорила по-английски. Именно поэтому мы к ней тянулись. В чужой стране хороший английский у китайского преподавателя — это не просто удобство. Это мост. Ты можешь задать вопрос не через пантомиму, не через три приложения-переводчика, не через отчаяние, а нормально: “Почему здесь этот тон? Почему этот иероглиф так устроен? Почему китайцы говорят так, а не иначе?”

У неё был маленький сын. Иногда он был рядом, пока мы занимались. И в этом было что-то очень китайское: обучение не отделялось от дома, ребёнка, чая, семейной жизни, открытой двери. Не было стерильной академической дистанции. Китайский входил в нас не только через доску, но и через то, как женщина-преподавательница успевает быть матерью, учителем, переводчиком между мирами и человеком, который заваривает тебе чай, потому что на улице##.

##

Shī lěng

«Влажный холод».

Это особый китайский холод, который невозможно объяснить человеку, который смотрит только на температуру. Вроде бы не минус. Вроде бы Нанкин — юг. Вроде бы должно быть мягко. Но влажность делает холод в два-три раза глубже. Он не стоит снаружи. Он вползает под одежду, в пальцы, в запястья, в колени, в бумагу тетради, в саму способность красиво писать иероглифы.

Мы сидели на занятиях в куртках. Иногда руки мёрзли так, что штрихи становились менее уверенными. Китайцы при этом могли спокойно ходить дома в пижаме, накинуть куртку и открыть дверь или окно, как будто холод — это просто часть воздуха, с которой не нужно драматизировать отношения.

#####

Rè shuǐ. Bǎowēnbēi.

Горячая вода. Термос.

Термос стал почти продолжением тела. В Китае горячая вода — это не напиток. Это философия выживания. Когда холодно — пей горячую воду. Когда болит живот — пей горячую воду. Когда не понимаешь жизнь — тоже, кажется, сначала пей горячую воду.

Мы приходили к преподавательнице домой. Двери могли быть приоткрыты. На улице прохладно, дома тоже прохладно, но на столе — чай. Китайское тепло часто не в батареях. Оно в чашке, которую тебе пододвинули ближе.

Тогда я ещё не знала, что спустя годы буду вспоминать не только учебник и не только HSK. Я буду вспоминать именно эти руки над тетрадью, холодные пальцы, пар от чашки,

ребёнка рядом, мокрый нанкинский воздух и ощущение, что язык входит в жизнь маленькими повторениями.

Глава 14. Девочка из Казахстана. Традиция, деньги и другая женская судьба

В Нанкине я быстро познакомилась с девочкой из Казахстана. Она была из зажиточной семьи, но внешне выглядела как русская девочка: мягкие черты, светлая кожа, спокойная манера держаться. В ней было что-то очень цельное — не в смысле, что она всё понимала о жизни, а в смысле, что внутри неё уже стояла система ценностей, которую не нужно было каждый день заново доказывать.

Ей было двадцать шесть. И она ни разу по-настоящему серьёзно не встречалась с мужчиной. Для меня это тогда было почти невероятно. Я уже знала другой мир: Москва, работа, отношения, разочарования, внутренний надрыв, попытки быть сильной и самостоятельной. А рядом со мной была девушка, для которой женская жизнь всё ещё была связана с традицией, семьёй, ожиданием правильного выбора, с какой-то почти древней осторожностью.

В этом не было наивности. Скорее, была другая опора. Она не торопилась прожить всё сразу. Не пыталась доказать, что свободна, через хаос. Не бросалась в отношения только потому, что молодость требует опыта. В ней была воспитанная пауза. И на фоне Китая, где всё одновременно древнее и невероятно быстрое, эта пауза выглядела очень красиво.

Мы ездили вместе в Шанхай, потом в Гуанчжоу. Китай через подругу открывается иначе, чем через одиночество. Когда ты одна, город всё время проверяет тебя: справишься ли ты, найдёшь ли дорогу, сможешь ли объясниться, не испугаешься ли. Когда рядом другая девушка, особенно такая непохожая на тебя внутренне, город становится зеркалом сразу для двух судеб.

Я смотрела на неё и думала, как по-разному женщины входят во взрослость. Одна — через скорость, работу, перелёты, контракты, любовь, которая не всегда держит. Другая — через семью, традицию, аккуратность, ожидание, внутреннее “не всё можно”.

##

Yuánfèn

«Судьбоносная связь, встреча, которая не случайна».

Мне кажется, она была нужна мне как контраст. Чтобы я увидела: сила бывает не только в прорыве. Иногда сила — в сохранённой границе. В том, что женщина не раздаёт себя миру слишком рано, даже если мир всё время делает вид, что зрелость измеряется количеством пережитых историй.

Глава 15. Jane. Costa, HSK и смех, через который язык наконец открывался

Потом появилась Jane. У неё было английское имя — так в Китае многие молодые люди выбирали себе вторую дверь в мир. По-китайски она была совсем другой, но для меня она навсегда осталась Jane: красивая китаянка с хорошим английским, которая ни разу не путешествовала за границу, но почему-то чувствовала иностранный мир лучше многих, кто уже успел объехать пол-Европы.

Я нашла её среди молодых китаянок с факультета, где учили английский. Нам было легко. Это очень редкое чувство в изучении языка: не просто “удобно заниматься”, а легко быть смешной, неправильной, неточной, переспрашивать, петь, путать тоны и всё равно хотеть продолжать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.